

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В последнее десятилетие в научной литературе часто ссылаются на имя В.Н.Тенишева.¹ Князь В.Н.Тенишев был озабочен судьбами России и доказывал концептуально, что знание жизни основных классов народа является важнейшей предпосылкой для управления государством и обществом своего времени. Идеями просвещенного менеджизма В.Н.Тенишев был увлечен давно и достаточно высоко оценивал этнографию как науку, считая ее важным средством для воссоздания подробных картин быта наиболее многочисленных слоев России. Он основал Этнографическое бюро, поставив перед собою цель — собрать этнографические сведения о крестьянстве и «городских жителях образованных классов», создал программы сбора интересовавших его сведений, одна из которых — «крестьянская» была успешно реализована в конце прошлого века с помощью сети «внештатных» корреспондентов. Тенишевские программы и материалы о жизни крестьян, присланные корреспондентами, имеют самостоятельное научное значение, благодаря которому В.Н.Тенишев занимает достойное место в истории отечественной этнографии.

Небольшая группа, образованная в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, выдвинула задачу — ввести в постоянный научный оборот материалы Этнографического бюро В.Н.Тенишева, ныне хранящиеся в архиве Российского этнографического музея (РЭМ, ф. 7, оп. 1 и оп. 2), и на этой основе приблизиться к тому, чтобы в качестве памятника русской культуры сделать сами материалы известными не только специалистам, но и широким слоям читателей.

Предание гласности историко-культурных документов является далеко не простым делом. Ценность документов, собранных благодаря целеустремленной деятельности В.Н.Тенишева и сотрудников

¹ См., напр.: Журавлева Л.С. 1) К истории публикации «Программы» В.Н.Тенишева // СЭ. 1979. № 1. С. 122–123; 2) Далось мне это не без борьбы // Прометей. Серия ЖЗЛ. М., 1987. Т.14. С. 65–79; Фирсов Б.М. Теоретические взгляды В.Н.Тенишева // СЭ. 1988. № 3. С.15–27.

Этнографического бюро, не может быть поставлена под сомнение. В пользу высокого качества материалов неоднократно высказывались многие отечественные исследователи, которым приходилось использовать материалы в своих научных трудах. Однако мы сочли уместным, отталкиваясь от этих авторитетных мнений, подвергнуть материалы Бюро более обстоятельному анализу и попытаться вывести некоторые обобщающие суждения относительно достоинств хранящейся информации. Для этого пришлось подвергнуть особому изучению текст «крестьянской» программы В.Н.Тенишева — исходный документ, послуживший базой для сбора первичных сведений (наблюдений корреспондентов за различными сторонами быта крестьян). На следующем этапе нами выявлялась степень соответствия программы содержанию собранной информации. Затем было проведено сопоставление материалов Этнографического бюро В.Н.Тенишева с другими источниками сведений о жизни русских крестьян, прежде всего с соответствующими материалами Русского географического общества и материалами губернской прессы, относящимися к концу XIX века.

Результаты опытов «источникометрии» частично обобщены и опубликованы к настоящему времени.¹ Большинство выводов, на которые мы опираемся, отталкиваются от изучения пятипроцентной выборки материалов Этнографического бюро В.Н.Тенишева, образованной из дел Владимирской губернии. Знакомясь с выборочными материалами и внимательно штудировав их в качестве эмпирической основы для заключения об общих достоинствах «сырого материала» (таким термином сотрудники Этнографического бюро обозначали поступавшие к ним от корреспондентов рукописи), мы исполнились решимости сам этот «сырой материал» сделать доступным для специалистов-этнографов и тех, кто интересуется этнографическим знанием — овладевает этнографией в университетах, занимается краеведческой работой, собирает предметы материальной и духовной культуры, увлекается познанием «живой старины». Именно по этой причине путем двукратного прочтения дел Владимирской губернии было подготовлено их описание, раскрывающее содержание ответов, полученных на большинство вопросов (пунктов) «крестьянской» программы.

В С.-Петербургском отделении Архива РАН сохранился один весьма любопытный документ, принадлежащий сотруднику бюро

¹ См. об этом: Фирсов Б.М. «Крестьянская» программа В.Н.Тенишева и некоторые результаты ее реализации // СЭ. 1988. № 4. С. 38–49.

В.Н.Тенишева П.Кашинскому, который откровенно признавался в том, что, несмотря на беспрекословное выполнение служебного долга, его никогда не покидало предубеждение против тех приемов исследования, которые изначально были предложены основателем и владельцем Бюро. «Изучение народного быта при посредстве случайных добровольцев, жителей нашей нищей культурными силами деревни, всегда казалось мне, — писал П.Кашинский, — опытом, выражаясь корректно, рискованным. Однако я ошибся. Рукописи, принадлежащие полуинтеллигентным сотрудникам, наиболее интересны, они более цельны в изображении быта и полны оригинальных фактов и подробностей».¹ И далее: «Будь задача исследования великорусской деревни поручена ученым специалистам, работа выиграла бы в систематичности и научной шаблонности, но бесконечно много потеряла бы в оригинальности замысла и жизненной правде».² Нашим желанием было не только сформулировать ряд систематизированных научных оценок материалов Этнографического бюро В.Н.Тенишева, но и дать возможность читателю, не соприкасавшемуся с ними, самому обнаружить в материалах вышеуказанную оригинальность фактов и подробностей, жизненную правду, равно как и почувствовать своеобразие замысла всего проекта В.Н.Тенишева, благодаря которому он получил весьма интересные результаты, сохранившие свою ценность и в наше время.

«Крестьянская» программа В.Н.Тенишева — основа деятельности Этнографического бюро

Русские этнографические программы, как правило, прочно опирались на достигнутый уровень этнографического знания.³ Их авторы стремились к тому, чтобы полнее и всестороннее учесть опыт своих предшественников и современников. Нельзя не отметить еще одного качества программ — их гибкости, реактивности по отношению к изменяющимся и обновляющимся потребностям в этнографическом знании. Реконструируя содержание программ, можно проследить

¹ СПб.ОА РАН., ф. 176, оп.1, д.11, л.74.

² Там же. Л.76.

³ Об истории программного метода в русской этнографии см., напр.: Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 216–217, 286–290; Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. М., 1978. С. 16, 24–27, 97–101, и др.

процесс изменений и развития предмета этнографических исследований в историческом времени, понять фокусы внимания этнографов в разные периоды жизни России. Следующее не менее важное отличительное свойство программ — доступность и конкретность их содержания, четкость в формулировании целей этнографической деятельности, вопросов и проблем, интересующих исследователей. Или, иными словами, принципиальная установка на то, чтобы обеспечить взаимопонимание между «автором» и «собирателем» этнографической информации, а в момент сбора — создать необходимое доверие и психологический контакт между «собирателем» (непосредственно познающим субъектом) и «информатором» (объектом наблюдения или изучения). Можно с уверенностью сказать, что русские этнографические программы несли на себе печать зарождающейся этики сбора этнографических сведений. Это существенно повышало достоверность и иные качества первичной информации, заметно облегчало на более продвинутых стадиях работы введение собранной информации в научный оборот.

Перечисленные характеристики отличают и тенишевскую «крестьянскую» программу. Она занимает особое место в своем классе научных материалов по русской этнографии. Программа была изначально ориентирована на собирание самых обширных сведений о быте крестьян центральных губерний России. Поскольку ее автор намеревался создать монографическую работу о русских крестьянах-землепашцах, постольку в круг его научных интересов попали едва ли не все стороны жизни тогдашнего крестьянства. В языке программы эти намерения материализовались в вопросах, охватывающих и характеризующих физические свойства крестьян; местные условия их жизни; общие указания об образе жизни крестьян; общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношения крестьян к обществу; отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; верования, знания, язык, письмо и искусства; семью и обычный порядок жизни; сближение полов, брак и отклонения от законного брака; рождение детей, их воспитание, обучение, доведение до самостоятельности; поведение крестьян в выходящих из ряда обстоятельств. Мы не раскрываем в деталях структуру этих разделов, она будет понятна из описания материалов Этнографического бюро — основы настоящей публикации. Но все же не удержимся от одного принципиально важного замечания. В.Н.Тенишев был в числе тех исследователей, кто не считал этнографическую науку исключительно исторической и пытался найти ей подобающее место среди других наук об обществе, точнее говоря, об окружавшей его совре-

менности. «Крестьянская» программа определенно означает собой попытку преодолеть относительную узость, ограниченность сферы этнографического изучения, характерную для того времени, ориентированность этнографии на связь с диалектологией, историографией, тогда как требовался поворот в сторону социально-экономическую, о чем позднее, спустя три десятилетия скажет в одной из своих обзорных работ Д.К.Зеленин.¹

Чтобы достичь поставленной цели, В.Н.Тенишев обратился к трудам своих современников, к их опыту на пути расширения феноменологии этнографического анализа народной жизни. В предисловии ко второму изданию «крестьянской» программы он называет работы, составившие ее фундамент² (порядок, в котором их перечисляет В.Н.Тенишев сохранен; работа, с которой авторам вступительной статьи не удалось ознакомиться, отмечена астериском):

1. Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе ИОЛЕАиЭ (под ред. Янчука Н.А., М., 1889. 147 с.).

2. Харузин М.Н. Программа для собирания сведений об юридических обычаях, составленная при ИОЛЕАиЭ. 2-е изд. М., 1889. 335 с.

3. Якушкин Е.И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Вып.1. Ярославль, 1875.

4. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т.1: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. 447 с.

5. Фойницкий И.Я. Программа для собирания народных юридических обычаев. Уголовное право. СПб., 1878. // Записки ИРГО по отделению этнографии; Т. 8. С. 51–76.

6. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т.1. 625 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии; Т. 8).

7. Матвеев П.А. Программа для собирания народных юридических обычаев: Суд и расправа. СПб., 1879. 16 с.

8. Программа для собирания народных юридических обычаев: Издание комиссии собирания народных юридических обычаев при Отделении этнографии ИРГО. СПб., 1889. 81 с.

9*. Орлов В.П. Что читают крестьяне Московской губернии:

¹ Зеленин Д.К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг. // Этнография. 1926. № 1–2. С. 133.

² Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Изд. 2-е, исправл. и доп. Смоленск, 1898. С.9.

Реферат В.П.Орлова // Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 9.

10. Пругавин А.С. Программа для соби́рания сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге. 2-е изд. М., 1891. 28 с.

11. Программа для соби́рания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе ИОЛЕАиЭ. // Труды Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. М., 1887. Т. VIII. 47 с.

12. Харузин М.Н. Программа для соби́рания сведений об юридических обычаях, составленная при ИОЛЕАиЭ. М., 1887. 335 с.

В литературе традиционно ссылаются на два издания «крестьянской» программы В.Н.Тенишева.¹ В действительности существовал еще один вариант, назовем его условно «нулевым», с которого началась деятельность В.Н.Тенишева как этнографа.² Известны также дата и место, где В.Н.Тенишев завершил работу над первичным текстом — 17 августа 1896 г. в имении Талашкино под Смоленском. Книга невелика. Объем ее не превышает двух с половиной печатных листов. Эскизность документа, его, так сказать, черновой характер дают знать о себе буквально с первых страниц: наброски отрывочны, содержат пропуски в построении отдельных разделов, заметки типа «по особой (т.е. более детальной, развернутой, — *авт.*) программе».³ С другой стороны, несмотря на отрывочность, документ дает возможность судить о контурах программы в целом, ее окончательной структуре.

После публикации «нулевого» варианта программы В.Н.Тенишев находит смоленского этнографа и краеведа В.Н.Добровольского, который помогает создать полноценный документ путем ряда принципиальных добавлений, охватывающих относительно самостоятельные сферы быта и жизнедеятельности крестьян.⁴ Книга, которая известна как первое издание «Программы этнографических сведений о быте крестьян Центральной России», выходит в свет в 1897 г. На

¹ Первое издание программы называлось так: Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Составленная на основании соображений, изложенных в книге В.Н.Тенишева «Деятельность человека», князем В.Н.Тенишевым при участии гг. В.Н.Добровольского и А.Ф.Булгакова. Смоленск, 1897.

² Этот документ вышел под следующим названием: Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1896.

³ Там же. С. 9–19.

⁴ Добровольский В.Н. Дополнения к программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России князя В.Н.Тенишева. Смоленск, 1896.

ее титул выносятся фамилии В.Н.Добровольского и А.Ф.Булгакова, сопровождаемые такими словами от имени автора-составителя: «Долгом считаю выразить мою признательность Господину В.Н.Добровольскому, составившему отдел о верованиях, и Господину А.Ф.Булгакову, извлечшему из источников вопросы, вошедшие в настоящую программу. Князь В.Н.Тенишев. г.Смоленск, имение Талашкино, 15 июня 1897 г.»¹. Тогда же, в 1897 году, В.Н.Тенишев организует в Петербурге Этнографическое бюро, а год спустя выходит в свет второе, исправленное и дополненное издание программы, которым пользовалось большинство нештатных корреспондентов.

Сопоставляя тексты всех трех вариантов, можно увидеть, что автор и составитель стремился к максимально возможной полноте описания крестьянского быта, настойчиво искал пути для преодоления отрывочности, мозаичности отдельных разделов. Конечно же, современный исследователь обнаружит в текстах вопросов многие несовершенства и изъяны, увидит пристрастия автора, сумеет обнаружить заметную неравномерность в отражении разных по смыслу явлений и т.п. Однако отмеченные дефекты не перевесят достоинств документа, его высоких рабочих свойств и характеристик. Не случайно поэтому и советские ученые, пользовавшиеся материалами Этнографического бюро В.Н.Тенишева, единодушно подчеркивают богатство собранных сведений, их актуальную ценность, разветвленную связь с трудом, культурой, структурами повседневной жизни крестьян.²

Таким образом, тенишевские материалы позволяют, с одной стороны, делать глубоко научные обобщения и выводы, а с другой — повышают достоверность самих научных исследований, что приводит подчас к поражающему читателей «эффекту присутствия». Впечатления такого рода вполне закономерны. Они являются во многом производными от качеств «крестьянской» программы В.Н.Тенишева, принятой им методологии и ряда методических особенностей, что повлияло на общую надежность и, в конечном счете, на содержание собранной информации.

¹ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений... 1897. С. 4.

² Федоров В.А. Материалы В.Н.Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX—начало XX в.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепропетровск, 1985. С. 54–59; Покровский Н.Н. Труд и обычай. Рец. на кн.: Тромыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986 // Новый мир. 1987. № 12. С. 245; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Л., 1988. С. 16–17.

Как производился сбор материалов от корреспондентов

В процессе сбора информации на базе соответствующих программ авторам-исследователям постоянно приходилось сталкиваться с рядом трудностей, что вносило определенные искажения в конечные результаты. Например, образованность, уровень грамотности в значительной мере определяли в прошлом веке размеры потенциальной сети корреспондентов и, конечно же, качества сообщаемых ими сведений. Помимо названной социально-культурной причины, имевшей объективный характер, действовали причины субъективные. Так, не могли не влиять на содержание ответов такие факторы, как мировоззрение корреспондента, готовность к сотрудничеству с авторами программ, с научными обществами, от имени которых программы рассылались. Вполне определенным образом сказывалось усложнение программ вследствие естественной для этнографии — как отрасли научного знания — эволюции, когда исследователи зачастую вынуждены были обращаться к проблемам и понятиям, не всегда в необходимых деталях известным корреспондентам. Затруднительным было и управление корреспондентами на расстоянии, при отсутствии регулярных контактов с ними, что влияло на территориальную представительность первичной информации. Источником еще одной группы помех выступали такие факторы, как жизненный опыт корреспондентов, в силу которого последние не всегда бывали беспристрастны при ответах. В итоге одни проблемы находили подробное освещение в передаваемых сведениях, другие — остались едва затронутыми.

Эти препятствия В.Н.Тенишев и его сотрудники стремились преодолеть прежде всего путем детализации программы, а также с помощью уточнения формулировок самих вопросов. Помимо названных выше изданий тенишевской программы, существовали также специально составленные анкеты по некоторым ее разделам, которые, по-видимому, представляли наибольший интерес для владельца Бюро. Так, нам удалось установить, что уже в 1898 г. от имени Этнографического бюро рассылались подобные анкеты под названием «Уголовно-правовые воззрения русских крестьян» (тематически связанные с разделами Д и К программы), в которых предлагалось ответить на 23 вопроса. Последние в отличие от вопросов основной программы не были развернутыми и носили скорее назывной

характер. Так, например, вопрос 22 анкеты предполагает ответ по теме «Пьянство», вопрос 19 — по теме «Раны и увечья».¹ Скорее всего, такие анкеты «сосуществовали» наряду с программой и использовались с целью расширить круг потенциальных корреспондентов на местах. Кроме того, подобные анкеты могли появиться и в результате потребности в детализации и дополнениях к отдельным вопросным пунктам программы. Таким способом в 1900 г. сотрудниками бюро была подготовлена анкета из девяти вопросов по теме «Болезни и их лечение» (п. 473 основной программы). Ответы на вопросы последней анкеты представлены в настоящем «Описании» (с. 385–387).

Вторая группа мер — разработка специального регламента в отношениях между Этнографическим бюро и корреспондентами (см. Приложение № 1). Внештатный сотрудник Бюро обязывался помнить, что он должен сообщать факты, а не обобщения и выводы. Отсюда следовало правило — «приурочивать» к вопросам только отдельные, частичные наблюдения, ставя себя всякий раз в положение достоверных наблюдателей виденного и слышанного в народном быту. Корреспондентов обязывали стремиться к подлинности, документальности сообщаемых сведений. Качество сообщаемых сведений дифференцировалось размерами денежного вознаграждения. Гонорар за оригинальные рукописи составлял от 15 до 30 р. с печатного листа (35 000 букв), смотря по достоинству материала; за копии с документов платили меньше — от 5 до 10 р. с печатного листа. Правила расчетов с корреспондентами были очень строгими, если не сказать суровыми. Объем принятого текста исчислялся с точностью до буквы, а гонорар — с точностью до копейки. Эта строгость не кажется лишней или противоречащей общему размаху дела. (Известно, что в целом содержание Этнографического бюро обошлось его владельцу в 200 000 р., сумму весьма крупную по представлениям того времени).²

Приобретая рукопись, Этнографическое бюро получало право пользоваться ею по своему усмотрению. Рукописи тщательно вычитывались, стилистически правились, а затем перепечатывались на пишущей машинке. Н. Начинкин писал, что материалы корреспон-

¹ РЭМ., ф. 7, оп. 1, д. 271, л. 3–4.

² См. об этом: Чарушин А.А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 18. С. 500.

дентов подвергались также направленной смысловой обработке. По его версии, здесь сказывалось «желание затушевать социальные противоречия» и потому имело место «вымарывание всего, что компрометирует действия властей».¹ Наш опыт изучения контрольной выборки дел позволяет ослабить такого рода впечатления. Действительно, в отдельных, частных случаях рукописи не только правили, но и редактировали. Например, при чтении оригиналов можно обнаружить следы купюр, изъятий, несущих на себе следы личных пристрастий и точек зрения сотрудников Бюро (см. прим. 2 с. 432 к тексту «Описания», с. 66–67). В качестве правила редактирование соответствовало своему определению (приведение текста в порядок). Сотрудники Бюро стремились «сжать» текст оригинала, убрать повторы, устранить тавтологию, но поступали при этом бережно по отношению к языку и содержанию оригинала.

Впрочем, следует оговориться. Бросается в глаза, что формально оправданная корректура (ведь ею занимались профессиональные люди) и текстуальные сокращения, чего бы они ни касались, в ряде случаев приводили к «малокровию» машинописных копий. Именно по этой причине и ради чистоты опыта мы пользовались в анализе «сырым материалом», прочитанным нами в том первоизданном виде, в каком он поступал в распоряжение Этнографического бюро В.Н.Тенишева.

Общий итог работы Этнографического бюро был плодотворным. Программа (вопросы) и ответы оказались в отношениях достаточно высокого качественного и количественного соответствия. Таким образом, замысел не разошелся с его реализацией, намерения в значительной мере воплотились в «запрограммированную» информацию. Как показывает анализ представительной пятипроцентной выборки дел, на 491 вопрос «крестьянской» программы корреспонденты Владимирской губернии сообщили 1379 ответов (см. Приложение № 2). Полученными ответами «закрыты» все разделы и в принципе все подразделы (главы) программы. Среднее количество ответов на один вопрос равняется 4.5. Этот показатель заметно варьирует при переходе от раздела к разделу, но его вариации кажутся вполне естественными. Ведь весьма различными были удельные веса разделов в программе, еще заметнее различались между собой объекты, на познание которых они были направлены. Имело большое значение и то, насколько близкими или удаленными

¹ Начинкин Н. Материалы Этнографического бюро В.Н.Тенишева в научном Архиве Государственного музея этнографии народов СССР // СЭ. 1955. № 1. С. 161.

от конкретной сферы крестьянского быта были жизненный опыт и знания корреспондентов. В итоге и образовались заметные колебания «плотности информации» внутри разделов программы, имеющие своим следствием относительный «переизбыток» сведений по одним проблемам (сторонам) жизни крестьян и «дефицит» по другим. Но общего положительного результата реализации программы этот недостаток не умаляет (см. Приложение № 3).

Зоны наиболее подробной информации о быте крестьян

Укажем теперь, хотя бы кратко, области широко понимаемого быта крестьян, которым соответствуют наиболее развернутые ответы. Такого рода операцию удобнее произвести по разделам «крестьянской» программы В.Н.Тенишева, выделив диапазоны реальности, где информация является особенно подробной, рельефной и не утратившей к тому же своей актуальности для современных этнографических и этносоциологических исследований.

Раздел А. Физические свойства крестьян

Какие-либо измерители или шкалы этих свойств в программе предложены не были. Тем не менее ответы корреспондентов характеризуют в подробностях наружный вид крестьян, манеру держаться на людях, слух и зрение, физическую силу, выносливость в труде, способность переносить мороз, жару.

Раздел Б. Местные условия жизни крестьян

Выделяются сведения о географии и климате местностей, которые описывают корреспонденты, об особенностях расселения крестьян, возделываемых сельскохозяйственных культурах; приводятся подробные календари сельскохозяйственных работ, подсчеты количества скота и домашней птицы, приходящегося на крестьянскую семью. Сведения заметно дифференцированы в зависимости от природных условий конкретной местности и плодородия земель, зажиточности крестьян.